

Новый спектакль **БАРТАБАСА** посвящен привольной жизни цыган

Известия. - 2006 - 17 июля - с. 10. Show must go вон

Юбилейный 60-й Авиньонский фестиваль открылся спектаклем «Батуту» знаменитого на весь мир конного театра «Зингаро». Для форума, давно и справедливо считающегося оплотом театрального авангарда, это зажигательное, но бесхитростное зрелище стало чем-то поистине удивительным. Для руководителя «Зингаро» легендарного Бартабаса в сущности тоже.

МАРИНА ДАВЫДОВА Авиньон

Бартабас и его «Зингаро» приезжали в Москву дважды. И оба раза критики потратили немало красноречия, чтобы объяснить всем интересующимся цирком, что «Зингаро» — театр, а всем интересующимся театром, что это не совсем цирк. Лошади, красоте которых надо посвящать отдельный текст, казалось, существовали у Бартабаса самостоятельно, элементы джигитовки и видной невооруженным глазом дрессуры были сведены к минимуму, а эффектность зрелища подчинялась его смыслу. Здесь человек не помыкал природой, а пытался слиться с ней. Не противопоставлял себя животному, а сопоставлял себя с ним. Не противостоял, но сосуществовал. Кони были почти уравнены в правах с людьми.

В новом спектакле, посвященном привольной жизни цыган, маг превратился в шоумена. Грамотного, расчетливого, блистательного (чего стоит великолепный водяной столп, все представление стоящий между куполом и центром арены), но совершенно предсказуемого. В «Батуту» нет никакой тайны. В нем животный мир — не объект для режиссерской рефлексии, а, как и положено, подспорье для трюков. В нем лошади просто скажут, а притворяющиеся цыганами лихие наездники (особенно хорошо смотрится в роли представителя бродячего племени черный, как вакса, негр) просто демонстрируют искусство верховой езды, которое вне театральной магии совсем не производит впечатления. Такую джигитовку средней руки можно увидеть и в московском цирке. В нем, честно говоря, можно увидеть кое-что и покруче.

Для пущей аутентичности в представлении задействованы и настоящие цыгане — они разделены на два оркестра, струнный и

духовой, и сопровождают зрелище забористым аллегро. Ждешь, когда же наконец зазвучат переборы из Бреговича. Ждать придется недолго. «Батуту» — это очень облегченный и превращенный в китч вариант Кустурицы. Гимн кочевой вольнице, слегка подслащенный лирикой.

Бартабас и прежде любил всякую этнографию. Но и в этом он был, как правило, неожидан и нов. В изумительном спектакле «Триптих» он задействовал пленяющих кошачьей пластикой танцовщиков-дравидов (автохтонное население Индии, завоеванное некогда ариями) и на их сложном пластическом взаимодействии со всадниками выстроил свою прихотливую историософию. В «Батуту» философию и историософию заменил нехитрый логический ряд. Где лошадь, там цыган. Где цыган, там цыганская музыка. Где цыганская музыка, там медведь. Ай-джавелла!

Прежде Бартабас разрушал клише, теперь он весь из них соткан. Загримированный под старого цыгана наездник будет догонять кибитку с дочерью, похищенной удалым молодец. Наряженный в медвежью шкуру человек будет скакать на лошади, реветь и огрызаться на человека с нагайкой. Толстая цыганка будет распоряжаться по хозяйству. Невеста выедет на арену на белой лошади и в длинной фате с аистами. За фатой припустились воздушные шары.

Чем больше Бартабас расцветивает клише, тем пошлее они кажутся. Китч — это ведь и есть оригинальничая банальность. Он, в отличие от искусства, может быть приятен на вкус, но не оставляет послевкусия. Смотреть его легко и приятно. Еще легче и приятнее о нем забыть. Хотя бы для того, чтобы запомнить Бартабаса другим — задумчивым кентавром, умеющим не только слиться с природой, но и очеловечить ее.